

Иди к черту, Джейн Остин!

джазовый монолог для шести возрастов

Комната. В центре стоит стул. Справа – стол, на котором зеленая библиотечная лампа, стопка порнографических журналов, кипа нот, открытки, канцелярские принадлежности, статуэтка кошки, бутылка виски и стакан. Слева – гитара и комбоусилитель для нее. Чуть позади, в глубине комнаты – виниловый проигрыватель и стеллаж для пластинок.

Дополнительный космический антураж или проектор – по желанию.

Рассказчик – мужчина 30-35 лет, худощавого телосложения. Черная футболка, джинсы и шляпа в стиле Тома Уэйтса.

Погрешности текста (пунктуация, повторы и др.) в большинстве случаев умышленны.

*Представление предваряется музыкальной темой: Hoagy Carmichael – **Heart and Soul** (instrumental piano).*

I

Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену. У меня в банке –

Трясет банку из-под детского питания.

– девять рублей и сорок три копейки. Больше половину этого внушительного состояния я заработал творчеством: рисовал портреты родственников и брал за это по рублю с носа. Я не ждал, когда поступит заказ. Я делал свою работу, а потом ставил их перед фактом. Вообще, у меня было три направления в рисунке: портреты, космические корабли, неизменно бороздящие просторы Вселенной (я хотел быть космонавтом и рассчитывал на восьмикомнатный дом сразу по окончании миссии), и утку-робот из диснеевского мультика «DuckTales», технодак, который рассекал на одном мотоциклетном колесе и защищал хранилище Скруджа. Утку-робота мне нравилось рисовать больше всего, но в определенный момент за него перестали платить.

Я был настроен серьезно. Деньги водились. И с женой я тоже определился.

Ставит банку-котилку под стул.

Но это гребаная любовная драма, вот о чем я говорю.

Вот представь: тебе четыре или пять, ну уж точно не больше шести лет, и тебе с ума сойти, как нравится девчонка из соседнего подъезда. Насколько сильно? Когда ты просыпаешь – думаешь о ней. Когда засыпаешь – тоже думаешь. И с этим ничего нельзя поделать. Но ты ведь не можешь просто так пойти и сказать ей: хей, детка, я люблю тебя, выходи за меня, мы будем вместе до гробовой доски, нарожаем кучу детишек и умрем в один день на своем ранчо в южном Техасе. Какое там. Тебе четыре тире шесть лет. Ты даже слов таких не знаешь. Поэтому надо сделать письмо. Бумага все стерпит, да? Не надо ничего говорить. Лучше написать.

Тогда ты не будешь стоять перед ней, как последний кретин, смотреть в сторону, дожидаясь ответа. Ты будешь сидеть дома, как последний кретин. И ты готовишься: находишь открытку. Желательно, чтоб на открытке были цветы. Женщинам нравятся цветы. Берешь фломастер: фиолетовый или зеленый – цвет нужен яркий, но не слишком. И думаешь: с чего начать? А с чего ты можешь начать... Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. Не надо ходить вокруг да около – настоящего мужчину всегда отличает четкая формулировка намерения. Но ты забываешь, в какую сторону пишется буква Я (так или так) –

Рисует в воздухе разнонаправленную букву.

– полагаешься на интуицию и, конечно, портишь дефицитную открытку. И вот уже вся затея кажется глупой. Вся эта идея с письмом. Надо быть мужиком, в конце концов! Зачем-то Всевышний подарил тебе эти яички. Ты пойдешь и признаешься. Прямо завтра. Можно спать спокойно. Завтра. Без сомнений.

А утром кто-то из взрослых будничным тоном сообщает: вот те, из соседнего подъезда – они типа уехали. Твоя возлюбленная, говорят, переехала с родителями в другой город. Точно не известно: в какой. И ты больше никогда ее не увидишь. Ты с ней не попрощался. Не посмотрел вслед. Так, многозначительно. Не вцепился в крыло самолета. Вообще ничего не сделал. Даже не заговорил с ней ни разу. Ты только что просрал любовь всей своей жизни, чувак. Ты хотел знать: как это бывает? Вот так. Раз – и все. Очень просто.

А потом родители тебя утешают: да ладно, брось, чего ты начинаешь? У тебя будет еще сто таких. Откуда-то всегда вылезает эта цифра. Сто. Твою катастрофу никто не воспринимает всерьез. Ты ведь маленький. Что ты вообще можешь понимать в этой жизни, говорят они. Тебе всего четыре. Пять. Шесть – это максимум.

В твоей жизни только что произошла трагедия. А никто этого даже не заметил.

Такие дела.

II

И вот тебе исполняется шестнадцать. Такая средняя цифра.

Бренчит линейкой о край стола.

Если говорить о любви, то в твоей жизни теперь два важных вопроса. Первый: достаточно ли вырос твой половой член – для контроля ты каждый месяц запираешься в туалете с линейкой –

Демонстрирует линейку.

– крайне важно наблюдать в динамике. Второй: почему ты до сих пор девственник? И еще: есть ли зависимость между первым и вторым? Ты стал настоящим хитрецом. Все подростки – лицемерные сволочи. Плевать, что там писал сгнувшийся за забором Сэлинджер. Делаешь вид, будто все в твоей жалкой жизни идет своим чередом: музыка, первая попойка. О, это было круто! Блеванул сначала в пластмассовый стаканчик из-под карандашей, чтобы мама не заметила. Больше в комнате свободной посуды посреди ночи не нашлось. А потом еще на стекло этой толстухи этажом ниже, когда высовывался подышать свежим воздухом. Она утром пришла и устроила скандал. Эта дура орет в твоём доме, а у тебя башка раскалывается на части. У тебя первое в жизни похмелье.

Но речь не об этом. Вообще. Ты поступаешь, как большинство других парней. Начинаешь встречаться хоть с кем-то. Плевать, что у нее скобки на зубах. Что у нее глупый визгливый смех и она не смыслит в нормальной музыке. Что ей нравятся все эти слезливые тошнотворные мелодрамы и она пишет феерически дерьмовые стихи. В духе: «мне уже пятнадцать лет, а любви все нет и нет...». Ладно. Главное: она не против. Рубишь фишку, да? Хочется тебе. А она: как бы, не против. И она это понимает. И уже начинает учиться этим пользоваться. Не будет никакого первого поцелуя, если не сводишь в кино (да, слезливая мелодрама) и не угостишь попкорном. Карамельным. Она, эта девчонка, как бы говорит тебе: мальчик, пойми, ты работаешь на перспективу. Наберись терпения, говорит, все будет. Надо только чуть-чуть подождать. Спустя пару недель ты можешь потискать ее задницу и грудь в подъезде, перед тем как расстаться на ночь. Дальше ты должен познакомиться с ее родителями. В частности: с папой. Она прислушивается к его мнению.

И ты встречаешь с ее папой за дурацким ужином. И папа оказывается сногшибательным придурком: хочется сходу отлупить его бейсбольной битой или облить бензином и поджечь, или бросить в багажник кадиллака, отвезти к обрыву и ликвидировать вместе с тачкой. Но ты не делаешь ничего такого. Нет. Наоборот. Ты сидешь и внимательно, с подобострастной улыбочкой, слушаешь весь этот бред, который он несет битый час. Отвечаешь на его идиотские вопросы: кем ты хочешь стать? музыкант – это не профессия! можешь ли разобраться с двигателем кадиллака? попадаешь ли битой по мячику? Самое ужасное, конечно, это когда он начинает рассказывать анекдоты. Бородатые, как Карл Маркс. Градус неловкости нарастает. Попробуй выдавить из себя искренний смех, жалкий ты мудозвон! Неужели оно того стоит?! Но после она целует тебя в щеку и, слегка покраснев от выпитого лимонада, говорит: а давай завтра, я нашла свободную квартиру – тетя уезжает в круиз, встретишь меня после танцев? И ты понимаешь: все было не зря. Все мучения. Наконец-то. Завтра ты избавишься от проклятого ярма девственности и больше не будешь слушать никакие вонючие анекдоты. Дома ты немножко репетируешь. Учишься еще правильно и быстро открывать упаковку с презервативами. Ты должен

выглядеть непринужденно. Уверенно. Ты ведь альфа-самец! Только бы не перепутать и надеть той стороной. И продержаться дольше, чем обычно ты держишься со знойной мексиканкой из художественного фильма «Черные стволы». Надо было покупать с анестетиком.

Быстро пролистывает взятый со стола порножурнал.

Встречаешь ее после танцев. Она приняла душ и приятно пахнет. Ты тоже старался не облажаться и теперь от тебя на весь квартал несет отцовским одеколоном. И вы идете в теткину квартиру. Заходишь. А на полке в прихожей лежат газета и очки. С двойными диоптриями. В комнате какой-то убогий ковер. И кровать, застеленная зеленым велюровым покрывалом. И сразу представляешь, как тетка в очках с диоптриями на этой кровати храпит в своем ночном колпаке. Вдруг она резко поворачивается на бок, колпак съезжает, тетка хрипит и пока-пока: сердечный приступ. Наверное, она отправилась в свой последний круиз. Вот откуда эти мысли берутся в столь романтический момент? Почему именно сейчас? Надо настроиться, надо настроиться. Поначалу все вроде идет как надо – поцелуй, жесткий петтинг. Петтинг – тупое слово. Ты запускаешь руку ей в трусики. Ничего себе. Вы очень нелепо избавляетесь от одежды. Лежите голые. Одежда комом на полу вместе с велюровым покрывалом. Трогаете друг друга везде. Пора бы уже переходить к делу. Ты говоришь, что сейчас, одну минуту. Проклятые часы слишком громко тикают! Раньше такого никогда не было. Она с таким подозрением спрашивает: а у тебя вообще хоть с кем-то было? И ты, само собой, врешь. Говоришь, что два раза. Ну, что типа не ас, но и не новичок. В конце концов, стыковка удалась. Фейерверк! Контакт «Союза» и «Аполлона» ничто в сравнении с твоим глобальным достижением! Сейчас ты покажешь ей, кто тут настоящий самец...

Тебя хватает ровно на три минуты. С мексиканкой хватало на семь. Ты же репетировал.

Она говорит, что ты слишком ее придавил и ей тяжело дышать. На ее лице плохо скрываемое разочарование. Все получилось совсем не так, как в любовных романах. Все эти искры из глаз, восставшее копьё и судорога наслаждения. Нет, у тебя-то судорога была. Но как-то непонятно. Ты снимаешь презерватив и сдуру пробуешь его утопить в теткинском унитазе. А потом вылавливаешь ершиком и заворачиваешь в полрулона туалетной бумаги. Ты ведешь себя хуже нагадившего не на месте кота. Она снимает заранее постеленную простынь. Принесла с собой. Говорит, что у нее еще неделю, наверное, все будет *там* болеть.

Вы выходите из квартиры. Возникает какое-то напряжение. И ты признаешься себе, что не хочешь ее больше сегодня видеть.

Через месяц она говорит, что у нее трехдневная задержка. Может, презерватив был испорчен? Ты посмотрел срок годности? Да, сладкая. Первым делом я посмотрел срок годности. Всегда смотрю. Ты ведешь себя слишком дергано, говорит она, не по-мужски. У нее резко обостряется интуиция. Кажется, что она теперь все про тебя знает.

Ты скачешь от радости, когда месячные у нее все-таки начинаются. Спустя почти две недели. Вы боялись купить тест. Ты скачешь от радости. И она тоже скачет. Все будет хорошо! Вы повстречаетесь для порядка еще пару недель. А дальше будет *серьезный разговор*: знаешь, кажется, мы не слишком подходим друг другу, я не шлюха, просто немного запуталась и мне нужно время, чтобы разобраться в себе, но ты по-прежнему дорог мне и я хочу продолжать общаться с тобой, ты обещаешь остаться моим другом? Сопли, слюни. И вы расстаетесь. Но ты не сразу забываешь ее телефонный номер. Она звонит тебе один раз пьяная в дым, а на заднем плане хохочут ее подружки. Да, надо бы пересечься. Вы ведь остались друзьями. На той неделе? Отлично. Как раз свободные выходные. Ритуалы так важны, да?

Да пошла ты. Пошла ты, пошла ты! Ты даже не заметил, когда изменился.

Ты окончательно расстался с женщиной, с которой у тебя был первый секс. А она рассталась с тобой. Она не стала матерью твоих детей. Вы не прожили жизнь вместе. Вы неумело потрахались и разбежались.

А знаешь, что самое забавное?

Вы оба счастливы от этого. Счастливы, что ничего не получилось.

Сбрасывает порноколлекцию в картонный ящик, стоящий под столом.

И вот еще про члены. Последний раз.

В училище парни всегда прикалывались над одним вконец задроченным ботаником. Слепой был, как крот. Лицо в рытвинах от прыщей. Всегда один. Прижмет книжки к груди и чешет вдоль стенок. Теоретик музыки. А потом засекли его в общей душевой в общаге. Прибор у него был реально огромный. До колена. Как садовый шланг. Он, видимо, каждый раз по целому куску мыла на него изводил. Но девчонки у него не было. Он попал в психлечебницу после второго курса. Больше мы его не видели.

Ш

Гребаная любовная драма, вот о чем я говорю.

Раскачивается, сидя на стуле.

Тебе двадцать пять. Юность позади. Ты рано начал лысеть и ты должен два раза в неделю ходить в спортзал, чтобы по-прежнему влезать в одежду сорок восьмого размера.

Живешь в маленькой съемной квартире, окна которой выходят на кладбище. Последний приют в шаговой доступности. Расплачиваешься по паре кредитов. У тебя нет машины. Зато есть мини-бар. Нельзя сказать, что ты много пьешь. Это не алкоголизм. Часто, но помалу. Бывшая подружка сделала от тебя два аборта. Теперь она замужем за твоим бывшим лучшим другом. Время от времени в твоей маленькой съемной квартире появляются подруги на ночь. Некоторые из подруг пытаются задержаться на подольше, но тебе не хочется и ты ясно даешь понять. Ни к чему усложнять. С годами учишься ценить

одинокчество. Есть записка в дальнем ящике стола: пакет с марихуаной. Отличный сорт. Называется «Bubble Gum». Помогает расслабиться. Ты любишь проводить досуг за чтением старых научно-фантастических романов, просмотром авторского кино; ты любишь долгие пешие прогулки.

Относительно здоров.

Музыка в твоей жизни значит очень многое. Почти все. Сначала музыка, а потом – женщины. Это персональное оправдание. Для чего-то ты живешь. У тебя пять гитар.

Постепенно расстаешься с мечтой стать рок-звездой. Преподаешь в частной музыкальной школе, отдельные ученики приходят на дом, по выходным – стабильно играешь в уютном джаз-клубе проверенные временем стандарты. Иногда импровизируешь. Не сказать, что платят сумасшедшие деньги, но в целом: хватает. С трудом удается вспомнить, как прошли последние два-три года. Потому что они прошли *никак*. Не было ни особых потрясений, ни особых побед. Ровно и плавно. По течению. Неудовлетворенность есть, но не настолько сильная, чтобы вскрыться в ванной или повеситься на засранном голубями чердаке. Иногда просто такое ощущение, будто барахтаешься в кастрюле с киселем на медленном огне. Кто-то считает тебя неудачником. Кто-то – ненормальным. Новый лучший друг говорит, что завидует тебе. Быть холостяком весело. Так он говорит. Пока вы сидите в баре – ему звонит жена. Он постоянно оправдывается перед ней. За то, что не может пойти в воскресенье на спектакль, за то, что не успеет завтра отвезти ребенка в бассейн, за то, что... слушай, дорогая, может мне вообще не стоит больше ходить на работу, может мне лучше сидеть дома рядом с тобой круглыми сутками, ты этого хочешь, да?..

Встает. Меряет шагами пространство.

И накатывает злорадство пополам с удовлетворением. Тебе не грозит. В ближайшее время – уж точно. В следующую субботу у тебя важный концерт в новом, недавно открывшемся клубе. Ты спрашиваешь нового лучшего друга: придешь? Он мнется. Типа постарается. Но ты же сам понимаешь, старина... Да, ты вообще охренительно понятливый. Сколько времени он не сидел за установкой? Три года? Пять лет? Думаешь об этом, пока он нахваливает свою дочурку. Как та любит гладить ладошкой его небритую щеку и все такое. Совсем расклеился парень. Допивай свое пиво, и погнали. Если не знаешь, что делать дальше – заведи детей. Ага.

Снова садится.

Это происходит внезапно. И рушит все. Как цунами. Или круче.

В новом клубе толпа народу. Шумно. Не протолкнуться. Воздух кажется густым, осязаемым и синим от табачного дыма. Вентиляторы рубят лопастями воздух на ломти. Боишься стоять под вентиляторами. А вдруг голову отрежут. Рубашка липнет к спине. Выпивка для музыкантов за счет заведения. Трубоч изрядно наакался. Талантливый парень, но фляга брызнула, кажется, он превращается в алкаша. Вы отыграли половину программы. Сейчас перерыв пятнадцать минут, вторая половина, дальше – танцы. Ты

ловишь себя на ощущении абсолютного совершенного одиночества. Какой-то ежик в тумане. В толпе незнакомцев легче всего ощущать.

Выходишь покурить на улицу, смотришь на черную воду в канале сквозь чугунную решетку. Какие-то нереально зеленые листья на деревьях. Все дело в освещении. Свет правильно падает. Ты словно в компьютерной игре. Весна в разгаре. Небо как на юге. Она стреляет у тебя сигарету. Вежливо так. Вытаскиваешь пачку. И закурить. У тебя спички. Подарочные. Остались после бара. Мысли похожи на разбросанные хлебные крошки. Она склоняется к огню, который ты спрятал в ладонях. Говорит «спасибо» и уходит. Ты следишь за ней взглядом. Синий плащ. Все. Потерял.

Стоя на сцене, отыгрывая вторую половину программы, неосознанно ищешь ее в толпе. Синий плащ, синий плащ. Блин! Она же не будет внутри стоять в плаще! Скользишь по всем этим чужим лицам. Говорят, что во сне мы не придумываем новых лиц. Мы всегда видим тех, с кем однажды сталкивались, пусть и мимолетно. Отвлекаешься и играешь не ту ноту. И снова. Вроде никто не заметил. Ты просто создаешь фон, парень. Ты же играешь здесь на басу – люди вообще не замечают, что ты играешь, пока ты не перестанешь! Или не начнешь адски лажать.

Ты не из главных героев, о которых пишут таблоиды. Всякие романтические истории – с тобой не прокатит. Обычный человек. Хорошо, что выпивка бесплатная.

Встает. Улыбается.

Я тебя где-то видела, говорит она два месяца спустя. Ты поднимаешь голову. Смотришь на нее снизу вверх: рассыпал ноты из папки. Успеваешь подумать, что выглядишь глупо, что она сейчас смотрит прямо на твою формирующуюся лысину, что рубашка на тебе не совсем свежая и простуда, внезапно вскочившая на губе посреди лета, еще до конца не зажила. Но разговор в кофейне завязывается сам собой. И вы все говорите о разной ерунде, и говорите, и говорите: о том концерте, о погоде, о тех музыкальных произведениях, ноты которых ты распечатал, ты зачем-то признаешься, что выискивал ее взглядом тем вечером, зачем-то вспоминаешь опять плащ, она смеется, ты доволен, что удалось ее рассмешить, у нее ямочки на щеках появляются, ты предлагаешь выпить кофе, и она соглашается. И вы пьете кофе, потом едите мороженое (фисташковое и банановое), потом она признается, что ждала подругу, с которой собиралась пойти в кино, но подруга, стерва, кинула, а фильм хороший, и ты вдруг ужас как хочешь в кино. Вы пробираетесь в зал уже с двумя бутылками вина, и как будто это не с тобой происходит, потому что как такое может вообще с тобой происходить посреди рабочего дня? и хочется выкурить по косячку, раз уж такое дело...

А утром она заспанная, не накрашенная, с волосами, убранными в конский хвост, одетая в твою старую рубашку как-то очень серьезно готовит завтрак и сжигает к чертовой матери яичницу с беконом, и на всю квартиру пахнет горелым, на кухне – дым, и она стоит, чуточку растерянная в этом кухонном дыму. И ты смотришь на нее.

И предлагаешь заказать пиццу. А по радио как назло поет старина Элвис.

Подходит к виниловому проигрывателю. Берет со стеллажа пластинку, бережно вынимает из конверта. Ставит на вертушку.

Вот представьте.

За стойкой в баре сидят Он и Она. Он – типаж плохого парня: короткая стрижка, кольцо в ухе, футболка с изображением Белоснежки, нюхающей кокаин, руки в татуировках. Она – симпатичная блондинка, чуть склонная к полноте. Слева от стойки – небольшая полукруглая сцена для живых выступлений. Музыканты возвращаются к своим инструментам после перерыва. Бар набит под завязку. Он улыбается, глядя на Нее. Она улыбается в ответ и поправляет волосы. Бармен, замечая пару, подходит к ним, выставляет на стойку маленькую вазу с букетиком фиалок, зажигает только для них маленькую свечу в плошке и еле заметно подмигивает парню. Музыканты подключили инструменты и вот-вот начнут играть. Вечер складывается удачно.

Еще коктейль, спрашивает он. К черту коктейль, отвечает она, поехали.

Музыканты начинают играть.

*Опускает иглу на пластинку. Это Elvis Presley – **Umbrella**. Эта песня идет фоном для следующей фантазии Рассказчика, подгоняющего темп изложения под музыку (возможен будет уместен соответствующий видеоряд).*

Он и Она страстно целуются на заднем сиденье такси. Таксист подглядывает за ними в зеркало заднего вида, делает лицо в стиле «как вы меня достали» и прибавляет радио...

Ее квартира утром. Он просыпается чуть раньше. Смотрит на Нее спящую. Быстро собирает свои разбросанные по комнате вещи, одевается и, стараясь не шуметь – выходит за дверь. Она просыпается, презрительно хмыкает, глядя на смятую подушку рядом, набрасывает халат, сует ноги в тапочки и выходит в прихожую. Дверь открывается – Он на пороге с бумажным пакетом, из которого торчат багет, зелень и бутылка вина. У Него несколько растерянный, нелепый вид...

Она смотрит на Него, и на Ее лице постепенно появляется улыбка...

Он везет Ее в большой тележке для продуктов по холлу супермаркета. Тележка набирает скорость, виляет, того и гляди врежется в стеллаж, где стиральные порошки. Посетители возмущены. Толстый охранник свистит в свисток. Но влюбленным наплевать на всех...

Кинотеатр. Ночь. На экране – фильм ужасов. Он и Она одни в целом зале. Она увлечена фильмом, жестом показывает, чтобы Он передал ведерко с попкорном. Ведерко с попкорном передает зеленая когтистая лапа. Девушка визжит, рассыпая попкорн. Он хохочет, демонстрируя накладную лапу. Девушка тоже начинает смеяться...

И вот уже она кричит на него. Он кричит на нее. Она берет со стола тарелку и запускает в стену. Он берет со стола тарелку и запускает в другую стену. Они бьют целую гору посуды. Останавливаются, чтобы перевести дух. Потом делают шаг навстречу друг другу,

начинают целоваться. Он укладывает Ее поперек стола и задирает платье с намерением заняться любовью...

Стадион. Вечер. Он и Она сидят на пустой трибуне. Она закусывает губу и не смотрит на него. Взгляд ее упирается в электронное табло, на котором внезапно появляется надпись: ТЫ ВЫЙДЕШЬ ЗА МЕНЯ? Она быстро поворачивается к Нему. Он держит в руке букетик фиалок, опоясанный обручальным кольцом...

Она (босиком и в свадебном платье), Он (белая рубашка и брюки с подтяжками) – танцуют посреди зала под восхищенными взглядами посетителей. Со всех сторон – вспышки камер. Толпа расступается, и мы видим на сцене тех самых музыкантов из бара, исполняющих ту самую песню. Среди прочих гостей – таксист. Он трясет бутылку с шампанским, пробка вылетает, струя шампанского бьет в потолок и...

Снимает иглу с пластинки. Песня на паузе.

Туалет бара. Она, раскрасневшаяся, отодвигается от стены, на которой – наполовину оборванный плакат с Элвисом, одергивает юбку, поворачивается к Нему. Он застегивает ширинку джинсов. Кто-то в соседней кабинке – шумно спускает воду.

Детка, ты чудо, я позвоню.

Возвращает иглу на пластинку. Танцует под финальный проигрыш песни.

IV

Пять лет секса с одной и той же женщиной. С одной женщиной. Целых пять лет. Раньше у тебя никогда такого не было.

Нет, ты, конечно, любишь ее, она изменила твою жизнь, но невозможно же!

Ходит. Волнуется. Кричит. Машет руками.

Что такое измена? Ну, вот если честно. Почему это всегда должно разрушать, если только вы не семейка грязных свингеров?! Ты встречаешь замечательную особу, вы познакомились случайно, некоторое время переписывались в одной из социальных сетей, а потом решили встретиться тайком от своих половинок. Она молода и привлекательна. Ты не так молод, но сгодишься. Вы проводите время в замечательном трехзвездочном отеле «Подсолнух», а по телефону ты врешь, что задерживаешься на работе. И особа что-то врет. Она на пилатесе с подружкой. Тебе нравится с ней трахаться. Из-за ощущения новизны. Сам процесс не шибко меняется. Нет ничего плохого в сексе с женой. Но это скучно. Почему бы не пойти еще дальше? Стать вообще правильным. Слушать только одну песню в метро по дороге на работу. Только одну любимую песню, и больше никаких других. Много лет подряд. Есть на ужин одно и то же любимое блюдо много лет подряд. Смотреть один и тот же гребаный мать твою любимый фильм много лет подряд. Так нормально? Каждый день. Всегда. За это боженька пустит тебя в рай? Тогда ты проживешь жизнь по уму?! Вы же просто немножко потрахались в этом задрипанном отеле! Ты два

раза кончил. Она, вероятно, один. Если не врет. Ты не разлюбил жену. Потому что нельзя жену взять и разлюбить только потому, что сколько-то минут тыкал своим членом в чужую... Но дело не в этом, правда? Зачем об этом вообще говорить? Тут вся беда в том, что ты подарил этой новой девушке частичку души. Пусть бы вас застали за тем, как вы славно беседуете за чашечкой латте о фильмах Годара – реакция была бы той же. Серьезно? Хрена с два. Дело только в одном: ты совал пипиську куда не надо. И по правде не думает она сейчас, когда плачет и орет на тебя, о частичках души. В ее голове только одна картинка. И тебе становится стыдно. Реально стыдно. Не за то, что трахал другую девушку. Тебе стыдно за картинку. В ее голове. Какая картинка? Та самая. Вот когда ты занимаешься сексом (или любовью, как хочешь) в вашей замечательной спальне при романтически приглушенном свете – взглядишь в отражения в зеркальной дверце огромного платяного шкафа. Присмотришься. Ее задранные ноги. Твое выражение лица. Ни черта ведь не красиво. И за эту картинку, в ее голове, тебе стыдно...

А потом ты залипаешь. Думаешь: пошло оно все. Сидишь, выпиваешь в любимом баре с камнем на сердце. И твое растянутое лицо отражается в висящих над головой бокалах. Что же получается? Любовь – это радость. Люди проводят время вместе, им хорошо. Нет злобы, отчаяния. Это не из-за чувства долга. А тут она ревнует тебя к тому, что ты почувствовал радость не с ней. С кем-то другим. Ненадолго. Если нырнуть глубже, то она, твоя любимая женщина, хочет чтобы ты чувствовал радость только при ней и с ней. Или ни с кем. Это важно. Ей абсолютно насрать, если ты будешь не особенно счастлив, когда у вас два месяца по разным причинам не было секса. Но ей не насрать, что ты можешь оказаться в этот момент чуточку счастливее ее. То есть мы просто жрем друг друга. День за днем. Год за годом. Сидим как эти страшного вида удавы, заглотившие кролика. И нам никогда не переварить. Ни-ког-да. Почему именно так? Непонятно. И самое главное, что честными тоже быть нельзя. Еще быстрее все погубит. Так в вашей опостылевшей вам обоим совместной жизни есть хотя бы элемент игры. Но если убрать этот элемент и сказать честно: хочешь трахнуть своего тренера по фитнесу, иди и трахни! Я не буду спрашивать, если не захочется. Но если спрошу: будь добра не юлить. Скажи прямо. Но – не бывает. У нас так не бывает. Человек еще слишком примитивен для таких отношений. Он совсем не готов быть честным. Домохозяйки, кухонные забияки, все эти фанатки Джейн Остин, будут твердить заученный бред: разное мироощущение, разный уровень измены, есть измена физическая, а есть моральная... и бла-бла. Откудахтав, сядут смотреть очередную фантазию по мотивам «Гордости и предубеждения». Господи, вот сейчас я говорю это вам, курицы, и лично тебе, Джейн Остин, иди ты со своей гордостью и своим предубеждением: к черту! Поняла? В жопу. Институт брака – средневековый пережиток. Нет, я не за то, чтобы трахать всех подряд направо и налево (так они все и дали), нет. Я за то, чтобы быть свободным внутри...

Успокаивается. Наливает себе виски. Пьет залпом. Наливает еще. Садится.

Но ты это, конечно, выговариваешь бармену в любимом баре. Нормальному такому парню, который кивает тебе в ответ. И, в общем, со всеми твоими доводами соглашается, потому

что в данной ситуации ты не можешь быть не прав. Ты, черт возьми, прав! Прав как никогда. И жаль, очень жаль, что никто не записал твой вдохновенный монолог. Да, ты выпил немного больше обычного. Но тебя ведь не тошнит. Наоборот. Чувствуешь в теле какую-то приятную обнадеживающую легкость. Что даже сложно идти – ежесекундно хочется взлететь и носки башмаков неловко цепляются за ступеньки на крыльце бара. Ноги отрываются от земли. Кто-то протягивает бутылку, мол, чувак, прополощи рот, когда стоишь, держась одной рукой за ограду городского парка. Ты полощешь от всей души, как надо. Ты думаешь, что это вода. А это – коньяк.

Такси привозит тебя домой. Ты долго, целую вечность, ковыряешься ключом в замке. Никто не откроет. Она уехала к маме. И вещи ее стоят собранные в коридоре. Не все вывезла. Потом ты сидишь вторую вечность в ванне, одетый, купаешься. Ты никчем и жалок. Лицо в зеркальном отражении похоже на расплавленный сырок. И как хорошо, что тебя в этом состоянии никто не видит. Слава тебе господи.

И ты тыкаешь в телефонные кнопки, набирая ее номер, и самое удивительное, что она не спит, и почти сразу отвечает. Почему она не спит? О чем она думает в этот же момент? И ты сидишь, раскачиваясь из стороны в сторону, и слезно просишь прощения, и говоришь: никогда больше не повторится, хотя сам, отчетливо понимаешь, что обязательно повторится, и не раз... И она понимает. Говорит какие-нибудь общие девичьи фразы: «какая же я была дура», или «почему ты все всегда портишь?», или «я ведь надеялась, что у нас будет по-другому, не так как у всех». И ты соглашаешься. Дура, портишь, как у всех.

А потом ты помогаешь ей перевезти вещи обратно. И ее мама вовсе не держит на тебя зла. Вы справитесь. Вы – не как все. Вы – идеальная пара.

V

Возможны два варианта. Как это произойдет.

Итак, вариант А.

Однажды ты встретишь женщину, с которой захочешь провести всю оставшуюся жизнь. И не важно, какого цвета на ней будет плащ.

С годами ты становишься все более циничным. Тридцать пять-сорок? Романтика умирает. Малолетки, думающие, что у них сокровище между ног, рассчитывающие, что ты, будто принц Акварин, готов ради этого сокровища на все – раздражают. Твои ровесницы и бывшие подружки, в большинстве своем чудовищно разжиревшие и отупевшие, не вызывают желания. Они что-то говорят, говорят, их глаза, как там: свет горит, а дома – никого. Теперь вы поменялись местами. Теперь они хотят, а ты: как бы, не против. У тебя еще есть время. А у них времени нет. Они боятся провести остаток дней в одиночестве. Женщина, которая этого боится, словно сама себя выносит на помойку. Заранее. И мужчину она себе найдет (если найдет) там же.

Говорят, что ты стал злее. Не совсем так. Ты устал быть постоянно добрым.

К черту их всех. И малолеток, и жирух. Ты другой. И она – другая. Она красивая. Не перекошенным ботоксом лицом, а просто: красивая. Всегда. Она умная. Когда ты забываешь – она помнит. Кто вообще придумал чушь, что мужчины выбирают глупых женщин? Мужчины с помойки выбирают глупых женщин. Умная женщина – это подарок небес. Она сама кого хочешь выберет. И дело не в энциклопедичности ее знаний, а в том, как она ловко умеет тебя осадить, когда ты вконец зарвался. Ты говоришь ей, что будешь использовать ваши с ней диалоги ссор в своих божественных либретто. Она говорит: конечно, будешь, я же не зря стараюсь быть такой остроумной и оригинальной...

И ты ее любишь за эти вот ее слова. По-настоящему. И хочешь провести с ней жизнь. Она младше тебя на семь лет. Ну, или ты просто устал искать кого-то лучше.

Она самая лучшая.

Несколько раз включает/выключает лампу.

Тут еще возможен подпункт. Я опять говорю о детях.

У чересчур умной пары детей не бывает. Либо бывает какой-нибудь один мальчик-аутист, глубоко несчастный, но зато может в уме перемножать трехзначные числа. Умные люди неэффективно размножаются. Они всегда заняты делом.

О чем слишком умные люди думают, когда при них затрагиваешь «детскую тему». О том, что ни черта не нужно плодить в этот мир новые сущности. О том, что ребенок – по сути, паразит, которые гадит в тебя целых девять месяцев. О послеродовой депрессии. О воплях по ночам. О том, что по статистике в первые три года после родов женщина сильно сдает в интеллектуальном плане и круг ее разговоров ограничивается «мы поели, мы срыгнули, у нас заболел животик...» и навыком в плане газоотводных трубок и прочих микроклизм. Слишком умные люди думают, что потом этот ребенок вырастет (если нигде не накосячишь, и не произойдет несчастного случая или зомби-апокалипсиса) неблагодарной скотиной и пошлет тебя куда подальше. Скажет в свои шестнадцать что-то типа: я не просил или не просила меня рожать. То есть КПД вообще никакого. Ты тратишь на него столько сил, времени, денег, а он потом просто забывает на это. Или еще вот про старость: кто о вас будет заботиться, кто поднесет стакан воды? Когда я не смогу сам себе налить стакан воды, я даже не пойму что обо мне заботятся, идиоты!

Умники заводят кота. Это рациональное решение. Радость в доме с минимальными потерями.

Но есть вот эти другие. Нерациональные. Помнишь, как ты рассуждал о детях раньше? Но теперь ты не так уверен. Ты встречаешь своего очередного обремененного семьей лучшего друга и в его глазах что-то непонятное тебе. Что-то, чего ты не замечал раньше. То есть он действительно друг: он прикроет тебя, он составит компанию, если ты хочешь послать весь мир сегодня и оторваться по полной. Но утром, проснувшись где-нибудь, неважно где, не дома, он вдруг торопится. Судорожно натягивает штаны, полощет рот,

закидывается аспирином и, яростно вбивая ноги в ботинки, хочет бежать. И ты спрашиваешь: а что такое? А он рассказывает, что обещал пойти с дочкой туда-то, показать ей то-то, купить вот это. Ты не споришь. Потому что по твоему лучшему другу сейчас видно, что он действительно этого хочет. Даже с дикого похмела он хочет везти свою дочь в парк аттракционов, потому что иначе она обидится и подумает, что он плохой папка. И его глаза, когда он тебе все это объясняет, они прямо светятся, его лицо меняется, становится таким, мать его, одухотворенным, что тебе завидно. Тебя-то всего лишь тошнит. Тебе вдруг хочется испытать то же самое. Почувствовать этот кайф. Он-то по ходу торчит плотно.

И ты приходишь домой. Ходишь туда-сюда по комнате. Потом едешь встречать жену в аэропорт. Она летала отдыхать без тебя в теплые страны. И, слава тебе господи, неплохо отдохнула, потому что снова рада тебя видеть. И ты рад. Ты тоже отдохнул.

А вечером после бутылки вина из «дьюти-фри» ты заикаешься об этом. Ну, о детях. И она, которая раньше повторяла за тобой: окей, в жопу детей! – она как-то слишком уж внимательно прислушивается. И очень осторожно, она же умная, она же понимает, что это может быть очередной проверкой, очень осторожно соглашается. Можно попробовать. Сегодня? А почему бы и нет.

В тот момент, когда ты кончил, тебя неожиданно посещает мысль: а если она так быстро согласилась из-за того, что там, в теплых странах... не-не. Паранойя.

Вспоминаешь коллегу по ансамблю. Его жена ему изменила и призналась в этом. Он лег на соломенный матрас в чулане, отрастил староверскую бороду и ногти желтые, длиннее, чем сами руки. Он бухал и слушал в наушниках Баха. Несколько месяцев. Никто не мог его сдвинуть с места. А потом у него отказала печень. Он пожелтел, опух и умер. У него с женой было трое детей. И он не знал после ее признания: все ли его. Страшно мучился. И вот если по правде: младшенький был не очень похож...

Ты о чем задумался, спрашивает она с подозрением, при этом ее голова покоится на твоей груди. Ты улыбаешься. Придумываешь что-нибудь на скорую руку. Говоришь, что вспоминал свое первое слово. Она оживляется. Вы оба вспоминаете. А еще вот эта буква «Я», помнишь? Все время забывал, в какую сторону писать. И она забывала...

И чего ты паниковал. Все ведь хорошо.

Ты стал отцом. И ты счастлив. Аминь. Вот тебе святой крест.

Складывает указательные пальцы крестом.

Но есть и вариант В.

Ты вроде не сексуальное меньшинство, не урод и зарабатываешь неплохо. Но вот так вышло, что ты в итоге все равно остаешься один. Вероятно, дело в твоём дерьмовом характере. В твоём страхе ответственности. В твоей нарастающей с годами злости. Или тебе просто не повезло встретить ту самую?

Какая разница.

У тебя восемнадцать котов.

VI

В детстве у меня был хомяк Тишка. Потом он сдох. Я плакал. Обычное дело.

Мама вынесла труп хомяка во двор, чтобы похоронить. Вырыла игрушечной лопаткой ямку в песочнице, бросила туда труп, запаянный в полиэтиленовый пакет, соорудила подобие могильного холмика. Я сидел и смотрел в окно. Не успела мама дойти от песочницы до подъезда, как откуда-то набежала стая бродячих собак, быстро выкопала Тишку обратно и разорвала на части.

Примерно тогда я понял значение фразы «из-под земли, тебя, суку, достану». Надо было сделать из Тишки чучело, надо было вообще много чего сделать не так, как сделал.

Берет гитару, не торопясь настраивает.

Все истории заканчиваются. И твоя – не исключение. Ты умираешь. Ты хотел бы умереть элегантно, как Чехов, глотнув шампанского («давно я не пил шампанского»), но видно не судьба. Больно. Ты больше не можешь выносить сочувствующие взгляды. Ты кричишь как Доктор Манхэттен: «оставьте меня одного!».

С годами ты становишься все более сентиментальным, потому что не хватает сил на здоровый цинизм.

В твоей комнате остается только Она. Ее лицо тебе смутно знакомо. Ты говоришь: здравствуй. Она усмехается в ответ. Ей все равно, кто ты сейчас и кем ты был все это время. Она пришла сделать свою работу. Ей все равно, что ты там не успел. Что не сбылось. Что ты представлял иначе, чем оно есть на самом деле. И есть ли вообще это «самое дело».

А тебе и не страшно. Раз пришла – делай.

Пауза.

В детстве я часто представлял, что обо мне будут говорить после смерти.

Откладывает гитару. Снимает шляпу.

Судьба ведь складывается по-разному, так я думал. Вдруг я, наконец, повзрослею, наберусь ума и стану ученым. Биологом или физиком. Совершу открытие, которое изменит привычное видение реальности, получу на старости лет самую крутую премию. Взберусь на кафедру: седой, дряхлый, в пигментных пятнах и произнесу Речь. Дребезжащим старческим голосом. Зал будет аплодировать стоя. А потом я тихонько скончаюсь в особняке близ центральных Альп, где еще останется свежий горный воздух и эдельвейсы. Меня хватит инсульт, я упаду лицом в стол, опрокинув чашку мюслей. Жена умрет еще раньше. Тело обнаружит нахлебница-дочь, вернувшись с прогулки со своим

очередным дебильным хахалем, который бы не понял твоего изощренного остроумия. Она вздохнет с облегчением. Прикинет наследство в цифрах.

И в новостях скажут:

«Сегодня утром на девяносто третьем году жизни скончался выдающийся ученый, гуманист, деятель культуры, лауреат премий... Нация скорбит. Президент страны выразил соболезнования... В скором времени планируется открыть музей его имени»

Впрочем, может к концу века президентов не будет.

Или стал бы новым явлением журналистики. Типа гонзо. Освещать гонки, музыкальные события, политические разборки, генетические эксперименты, манипуляции над сознанием масс. Обдолбанным сочинять злобные статьи. Для всех я: ублюдок и психопат. Я как свирепая акула пера рву на части зазевавшихся ныряльщиков в мировом океане вечных сомнений и предрассудков. Моего едкого слова боятся. Меня ненавидят и превозносят, как контркультурную звезду. Лет в сорок (край, сорок пять) я запираюсь в бронированном подвале собственного дома, набиваю последнюю колонку и пускаю себе пулю в лоб из крупнокалиберного шотгана, чтоб мозги по стенам!

Мой официальный биограф-очкарик напишет:

«Родился, вырос, сменил множество профессий. Бла-бла. А, вот. Стиль его жизни: стремительный, рваный, беспокойный, порой надрывный – полностью совпадал со стилем его письма. Виртуозное, непостижимое владение словом...»

...и прочий кал в таком духе.

Или разочаруюсь в мире, отрину сиюминутные наслаждения, перестану гнаться за славой и богатством. Бросив службу, семью и детей, направляю стопы куда-нибудь в Непал. Возвращаюсь лет через пять и создаю свежую, пропитанную героизмом, религию. Ставлю ее в оппозицию государству и общепринятым нормам морали. Духовная революция. Беспорядочный секс. Моя карьера мессии будет яркой, но кратковременной. В конце пути рядом со мной остается жалкая горстка единомышленников. На нас организуют травлю. Мы запираемся в часовне, обливаем все бензином и жжем себя во имя святой веры. Из огня в последний момент появляется рука со скрещенными пальцами – символ! И дело наше продолжает жить в сердцах и умах! Йес, то есть: аминь. Последователи поют мне осанну:

«Склоняемся пред тобой, о светлейший из живших!» - и все такое...

Сколько жизней я не попробовал?

В любом случае, царство мне небесное.

Нервно прохаживается от стула до стола.

Чего бы ты сейчас хотел, спрашивает Она. Последнее желание? Ты бы хотел 100 мкг ЛСД в мышцу, как и умирающий от рака гортани Олдос Хаксли. Ты уже практически готов к встрече с дивным новым миром. Она смеется. Ты бредишь, говорит Она. Это агония.

Ты говоришь, что раз это бред и агония, то почему бы не отправиться на Марс, как Доктор Манхэттен? И вот ты уже на Марсе. Совсем один. Конструируешь из песка.

Солнце скоро взойдет. Небо красновато-розовое, а рядом с солнечным диском – голубое, почти как дома. Над Лабиринтом Ночи висит «алмазная пыль», кристаллики льда, чем выше, тем их больше. Западные склоны вечером поймали водяной пар, а теперь, когда стало теплее – он испаряется. Если начнется снегопад – ни одна снежинка не долетит до поверхности планеты. Танталовы муки. Вода рядом, только до нее не дотянуться. Но вот – проблеск в дымке. Утренняя звезда появляется. Зеленоватая, не такая яркая как Венера, и она гораздо меньше Юпитера. Это двойная звезда. Видишь? Там, сбоку, желтая точка. А солнце тусклое. Над всем этим плывет музыка. Надо прислушаться. Она точно есть. Как в голове умирающего на операционном столе Джорджа Гершвина. Музыка поднимает тебя вверх. Ты видишь кратеры, скалистые горы, системы каньонов. Поля застывшей лавы. Внутренние моря. Ты летишь. Время больше не играет роли. Время стало призраком. Ты можешь вернуться на миллиард лет назад. Нырнуть в глубокий колодец и вынырнуть в другой эпохе. Это просто. Утренняя звезда исчезает. Зеленоватая, с маленьким желтым спутником. Земля.

Берет гитару. Отодвигается с ней в тень.

И тогда ты, наконец, слышишь ту прекрасную оперу, которую так и не смог записать при жизни. Всю целиком. Одним махом. Она божественна. Она для нее и ради нее. По-другому ведь и быть не может, правда, Джейн?

Играет «The Man I love» Гершвина в исполнении Лайзы Минелли.

Конец.

СПб, 2015